

Е.С. Шевченко, А.В. Макарычев

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРАВОВОГО НАРРАТИВА
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

© Шевченко Екатерина Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: slash99@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-2400-6856>

Макарычев Алексей Вячеславович, магистрант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

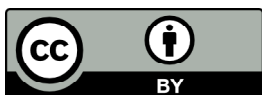
E-mail: ale-makarychev@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-7945-3859>

АННОТАЦИЯ

В статье выдвигается понятие художественно-правового нарратива, рассматриваются его специфика и некоторые особенности функционирования в русской литературе XIX–XX вв. Под художественно-правовым нарративом авторы статьи понимают систему нарративных и риторических «фигур» (в том числе приемов и техник), образующих тексты, описывающие события правового характера. Методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных философов, филологов, теоретиков права, социологов М.М. Бахтина, Ж. Женетта, В. Изера, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, П. Рикера, В.И. Тюпы, М. Фуко, Г.Р. Яусса. Наиболее значимыми для исследования стали такие научные подходы, как бахтинская идея диалога, метод коммуникативного анализа, метод нарративного анализа, структурно-семиотический метод. Право в художественно-правовом нарративе интерпретируется как социокультурный феномен, при этом правовой код предстает как система знаков, которая позволяет считывать информацию правового характера и интерпретировать ее в рамках определенной художественной системы в совокупности с другими кодами. Было установлено, что риторические приемы в художественно-правовом нарративе коррелируют с различными речевыми практиками: судебной (документы суда, речи обвинителя, адвоката и т. д.), законодательно-документальной (Конституция, уголовное право, гражданское право), режимно-ограничительной (правила внутреннего распорядка в исправительных учреждениях, армии) и иными речевыми практиками. Авторы обосновывают зависимость данного вида нарратива от риторических практик судебного процесса, присущих конкретной исторической эпохе, а также прослеживают сходство рассказчиков с участниками судебного процесса. Особое внимание уделяется повествовательному нарративу «каторжной» и «лагерной» прозы. В ходе исследования устанавливается влияние на него репортажных и журналистских жанров. Художественно-правовой нарратив «каторжной» и «лагерной» прозы вбирает в себя нормативные референции, связанные с разного рода запретами, и остраивает их при помощи различных композиционных и риторических приемов и техник. Авторы отмечают, что дискурс права обретает такие черты, как конфликтность и зрелищность, благодаря взаимодействию с драматургическим и театральным дискурсами. Они подчеркивают влияние на художественно-правовой нарратив развернутых форм психологического анализа в XIX в. и лаконичных форм анекдота, песни, интеллигентской байки в XX в.

Ключевые слова: дискурс права, художественно-правовой нарратив, судебное красноречие, «каторжная» проза, «лагерная» проза.

Цитирование. Шевченко Е.С., Макарычев А.В. О некоторых особенностях художественно-правового нарратива в русской литературе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 119–124. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-119-124>.

E.S. Shevchenko, A.V. Makarychev

ON SOME FEATURES OF ARTISTIC-LEGAL NARRATIVE IN RUSSIAN LITERATURE

© *Shevchenko Ekaterina Sergeevna* – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: slash99@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-2400-6856>

Makarychev Alexey Vyacheslavovich – Master's Degree student of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: ale-makarychev@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-7945-3859>

ABSTRACT

In the paper the concept of artistic-legal narrative is advanced, its specificity and some features of functioning in Russian literature of the XIX–XX centuries are considered. Under the artistic-legal narrative, the authors of the article understand the system of narrative and rhetorical «figures» that form texts describing events of a legal nature. The methodological base of the research was compiled by the works of the Russian and foreign philosophers, philologists, law theorists, sociologists – M. Bakhtin, G. Genette, W. Iser, Yu. Lotman, D. Likhachev, P. Ricœur, V. Tyupa, M. Foucault, H.R. Jauß. Bakhtin's idea of a dialogue, the method of communicative analysis, the method of narrative analysis, the structural-semiotic method were significant for the research. The law in artistic-legal narrative is interpreted as a socio-cultural phenomenon, while the legal code appears as a system of signs allowing you to read out information of legal nature and interpret it within a certain artistic system in conjunction with other codes. It was found that rhetorical techniques in the artistic-legal narrative correlate with various speech practices: judicial (court documents, speeches of the accuser, lawyer, etc.), legislative and documentary (Constitution, criminal law, civil law), regime-restrictive (internal regulations in prisons, the army) and other speech practices. The authors substantiate the dependence of this type of narrative on the rhetorical practices of the courtship inherent in a particular historical epoch, and also trace the similarity of the narrators to the participants in the trial. Particular attention is paid to the «hard labor» and «camp» prose narrative. In the course of the research, the influence of reporter and journalistic genres on Dovlatov is established. The artistic-legal narrative of «hard labor» and «camp» prose incorporates normative references related to various kinds of prohibitions, and eliminates them via various compositional and rhetorical techniques. The authors argue that the legal discourse acquires such features as conflict and spectacularity through interaction with dramatic and theatrical discourses. The influence of the developed forms of psychological analysis in the 19th century and laconic forms of an anecdote, a song, an intellectual story in the 20th century on the artistic and legal narrative is emphasized.

Key words: discourse of law, artistic and legal narrative, judicial eloquence, «hard labor» prose, «camp» prose.

Цитирование. Shevchenko E.S., Makarychev A.V. O nekotorykh osobennostiakh khudozhestvenno-pravovogo narrativa v russkoi literature [On some features of artistic-legal narrative in Russian literature]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 113–118. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-113-118>.

Введение

Вопросы права вызывали интерес у многих русских писателей, среди них – А.Н. Радищев, И.А. Крылов, А.С. Пушкин, М.П. Погодин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, А.В. Сухо-Кобылин, А.Н. Островский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.А. Некрасов, Л.Н. Толстой, В.М. Гаршин, В.Г. Короленко, А.П. Чехов, Л.Н. Андреев, А.И. Солженицын, В.Т. Шаламов, С.Д. Довлатов и др. Многие из них проявили себя на правовом

поле еще и как общественные деятели (А.Н. Радищев, М.П. Погодин, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.И. Солженицын), поскольку были обеспокоены несправедливостью и беззаконием, свидетелями которых они становились. Спектр правовых проблем, которые затрагивали русские писатели в различные моменты развития нашего общества, велик – от вопросов общественной и личной несвободы во времена крепостного права до вопросов несоблюдения прав личности в тоталитарном государстве.

Обзор литературы. Теоретико-методологические положения. Методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных философов, филологов, теоретиков права, социологов М.М. Бахтина, Б.М. Гаспарова, Ж. Женетта, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, П. Рикера, В.И. Тюпы, М. Фуко, Г.Г. Яусса и др. Наиболее значимыми для нашей работы стали такие научные подходы, как идея диалога Бахтина, метод коммуникативного анализа, метод нарративного анализа, структурно-семиотический метод и мотивный анализ.

Своеобразным «катализатором» к изучению вопросов на стыке литературоведения и юриспруденции послужило творчество Ф.М. Достоевского. Изначально криминальной проблематикой произведений Достоевского интересовались юристы, которые рассматривали их как криминалистические иллюстрации. А филологи обратились к правовым аспектам его творчества несколько позже, начиная с 1930-х годов, причем правовой код считывался исследователями преимущественно на идейно-тематическом уровне. Наиболее изучена в этом плане тема «Достоевский и суд» (русский суд и правосудие, преступление и наказание, судебная ошибка и ее последствия и т. п.). Исследование юридической проблематики с конца 1980-х годов стало особенно актуально в отношении «лагерной» прозы, которая в ряде работ интерпретировалась как продолжение традиций «каторжной» прозы Ф.М. Достоевского — его «Записок из Мертвого дома».

При всем многообразии междисциплинарных исследований, созданных на стыке литературоведения и юриспруденции, работ, посвященных дискурсу права и художественно-правовому нарративу в русской литературе, немного.

Одним из первых аналитических исследований в этой области стала работа В.В. Виноградова «О художественной прозе» (1930), где сопоставляются *адвокатский* и *писательский* правовые нарративы — речь В.Д. Спасовича по делу об истязании банкиром Кронебергом своей дочери и отклики на нее М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.М. Достоевского. Виноградов указывает на обнаружение писателями в адвокатском высказывании риторических приемов насилия (приема «риторической лести», приема «беспрерывных, мимолетных намеков», «недосказанности» и т. п.) и детально анализирует построение каждым из них собственных риторических структур, противостоящих адвокатским уловкам и ухищрениям. Виноградов обнаруживает конфликт адвокатской «действительности» и «действенности» писательской, подробно освещающая различия используемых в адвокатской и писательской практиках риторических приемов и стратегий [Виноградов, с. 120–175].

В статье Д.С. Лихачева «Достоевский в поисках выражения реального» (1974) было отмечено влияние на стиль писателя современных ему *практик судоговорения* (судебного красноречия в целях эмоционального воздействия на присяжных), распространившихся после судебной реформы 1864 года,

и иных форм документальности (следовательской «разработки» преступлений с приемами стенографирования, репортажа о судебном процессе, судопроизводства и т.п.) [5]. Влияние судебных практик на Достоевского и его время косвенно объясняется бурным развитием исторического источниковедения и открытием возможной тенденциозности исторического документа, предвзятости его создателя. Недоверие к источнику своего повествования, как отмечает Лихачев, заставляет писателя мыслить критически, не «пересказывать», а «расследовать».

Среди современных исследований подобного рода можно выделить работы Е.Ю. Сафроновой, которая предпринимает попытку дать определение дискурса права и анализирует его в творчестве Достоевского [Сафронова].

На наш взгляд, само понятие дискурса права нуждается в уточнении. В понимании дискурса мы исходим из необходимости соотнесения *нарративного* (повествовательного) и *событийного* (действительного) планов. Опираясь на исследования Ж. Женетта и П. Рикера [Женетт; Рикер], мы определяем *художественный дискурс* как систему «нарративных фигур» в их проекции на социокультурную коммуникацию. Другими словами, для нас представляется важным, к *каким реалиям* отсылает художественный текст и *как* он о них говорит. Под *художественно-правовым нарративом* мы подразумеваем систему нарративных и риторических «фигур» (в том числе приемов и техник), образующих тексты, описывающие события правового характера. *Правовой код* литературы при этом предстает как система знаков, которая позволяет считывать информацию правового характера и интерпретировать ее в рамках определенной художественной системы (творчества автора, эпохи и т. д.) в совокупности с другими художественными кодами.

Результаты и дискуссия. Художественная рефлексия правовых документов и событий правового характера отличается от, скажем, научной рефлексии, поскольку на первый план выдвигает личную заинтересованность писателя в вопросах соблюдения права и справедливости действия закона. Во многих случаях желание справедливости приводит художника к парадоксальной ситуации, когда в своем стремлении к свободе и жизни он описывает несвободу и смерть, исследует анатомию преступления или, как Достоевский, «делает убийство центральным событием своих произведений» [Лихачев, с. 9]. Обыденное сознание выражает сомнение в непреложности действия законов и возможности их соблюдения в России. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить известную поговорку «закон что дышло: куда повернул — туда и вышло», где зафиксировано представление о том, что несовершенство закона может привести (и приводит) к своевольной его интерпретации. Художественное сознание не подчиняется логике обыденного сознания, но в то же время не может ее игнорировать. И в результате ощущение беззакония и

несправедливости у художников становится одним из посылов к созданию сюжетов правовой направленности.

В изучении дискурса права в литературе представляется важным вопрос о привлекаемых в качестве фактической базы источниках — начиная с официальных документов и заканчивая частными документами, которые касаются правовых аспектов жизнедеятельности. В России процессы законотворчества и последующего соблюдения законов всегда вызывали неоднозначную реакцию общества. Так, в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» содержится открытая критика судебной реформы 1864 года. По мысли автора, от того, что речи стали более пространными и пафосными, суды не стали справедливее. *«И зачем это читать? Только затягивают. Эти новые метлы не чище, а долгие метут»*, — говорит один из персонажей — присяжных заседателей, участвующих в суде над героиней романа (Толстой).

Поскольку Россия в понимании собственной идентичности всегда находилась между «молотом» западной демократии и «наковальной» восточной деспотии, то процессы законотворчества и последующей реализации принятых законов практически всегда носили затрудненный характер. Любопытно в этом отношении попытки российской и советской власти создать конституцию и реакция на эти процессы в обществе и в литературе. Если в XVIII и XIX вв. попытки создать конституцию, предпринятые монархами Екатериной II, Александром I и Александром II, в силу неблагоприятных политических обстоятельств и иных причин так и не были ими реализованы, то более осторожный в этом плане Николай II даже пытался что-то предпринять и избегал самого слова «конституция», так как оно могло ассоциироваться с коренным переустройством политико-правовой системы и ломкой властных структур самодержавия, чего он делать не намеревался, как не намеревался делиться властными полномочиями с Советом министров или с Государственной думой. Поэтому изменения, внесенные им в «Свод законов Российской империи» в 1906 г., кодифицированный еще в 1832 г. М.М. Сперанским, не затрагивали вопроса о неограниченной власти монарха, что и привело к революционным потрясениям 1917 г. [Шмид].

В дальнейшем Россию настиг самый настоящий конституционный бум, так что на протяжении XX века было принято пять конституций: революционная 1918 г., первая советская 1924 г., сталинская 1936 г., брежневская 1977 г. и, наконец, ельцинская Конституция 1993 г. Каждая из них была свидетельством смены политического курса и выстраивала собственный властный нарратив, основанный на принципах драмы, сказки, Евангелия или перформанса [Шмид].

В противоположность нарративам властных структур литература выстраивает собственные нарративы. Даже подстраиваясь под официальную риторику и вторя ей, художественный нарратив,

связанный с решением вопросов справедливости и права, ей противостоит. Обратимся к авторским размышлениям в повести Довлатова «Зона»: *«И еще — лагерь представляет собой довольно точную модель государства. Причем именно Советского государства. В лагере имеется диктатура пролетариата (то есть — режим), народ (заключенные), милиция (охрана). Там есть партийный аппарат, культура, индустрия. Есть все, чему положено быть в государстве. Советская власть давно уже не является формой правления, которую можно изменить. Советская власть есть образ жизни нашего государства. То же происходит и в лагере. В этом плане лагерная охрана — типично советское учреждение...»* (Довлатов, с. 41). В отношении конституционных нарративов XX в. художественные нарративы обнаруживают иронию, обусловленную несопадением декларируемого и реального. В довлатовской «Зоне» официальный праздник — День Конституции — мифологизируется персонажами и связывается ими с мечтой о рае. День Конституции (заметим, сталинской Конституции 1936 г.) ассоциируется у одного из них — охранника с говорящим прозвищем Фидель — с освобождением. Соблюдение постулатов «Морального кодекса строителя коммунизма», начиная со Дня Конституции, вот-вот дарует ему райское наслаждение. Текст морального кодекса вписывается в текст поведения Фиделя. Государственная риторика Конституции и морального кодекса напоминает сказочную риторику (это сходство отмечено в указанной нами работе У. Шмида) и вступает в диалог с *пенологической* и *молитвенной* риторикой: Фидель придумывает молитву, обращенную к Богу, для которого он выглядит лучше, чем окружающие его воры и хулиганы. Однако *пафос морального кодекса* и *молитвенный пафос* приходят в столкновение с пьянящим (в буквальном смысле) чувством свободы, а попаданию вохровца Фиделя в рай мешает море самогона у бесконвойников. Пространству Зоны не суждено стать Островом Свободы, так что второе имя героя звучит как насмешка «злой» судьбы над героем. Как видим, правовой нарратив имеет дело с социально окрашенным пространством, а топографические детали обретают в нем символическое значение.

К правовому нарративу в литературе может быть применена бахтинская теория речевых жанров. Отличающее художественно-правовой нарратив стилевое многоголосие позволяет выделить внутри него целый спектр жанров, что обусловлено охватом определенных сфер человеческой деятельности и общения, задействованных в построении дискурса права. Жанры судебной практики, журналистские жанры (репортажи с места событий, хроники криминальных происшествий и т.п.) оказывают влияние на повествовательный нарратив.

Исследователями творчества Достоевского было замечено, что сюжеты его романов разворачиваются как следственные дела. Сказанное касается и произведений других авторов, в которых повество-

вание выстраивается как совершение или разыгрывание героями правонарушений или преступлений, участие в процессах судопроизводства и судебных разбирательств. Рассказчики при этом выступают как участники судебного процесса – обвиняемые, следователи, прокуроры, дознаватели и т. п.

Согласно Бахтину, речевая воля говорящего осуществляется в выборе определенного речевого жанра [Бахтин, с. 179]. Речевому жанру свойственна двойная ориентация – тематическая и словесная, но в первую очередь жанр ориентирован словом. Каждое высказывание имеет целенаправленный волевой характер. Для правового нарратива вопрос об *интенциональности* (понятие Дж. Серляса [Searle]) высказывания особенно актуален. Интенция в правовом нарративе может быть выражена эксплицитно или имплицитно – в зависимости от целей говорящего и жанра высказывания. Именно интенция говорящего, в которой ощущается его *воля*, формирует *целостность* и *завершенность* высказывания, а также его *объем* и *границы*. Однако границы речевого высказывания в правовом нарративе не заданы раз и навсегда, – напротив, они могут быть подвижными. Один и тот же поступок в разных правовых обстоятельствах может трактоваться либо как подвиг, достойный награды, либо как преступление, заслуживающее наказания. В довлатовской «Зоне» Калью Пахапиль за одно и то же «деяние» (когда приходят чужие и грозит опасность, он скрывается в лесах) сначала получает медаль от русских, освободивших Эстонию от оккупантов, а затем те же русские ловят его за уклонение от мобилизации: «Его судили как дезертира, били, плевали в лицо. Особенно старался капитан, подаривший ему медаль» (Довлатов, с. 10). Смещение границ в нарративе приводит к остранению правовой ситуации и выявлению абсурдности нестабильного реального мира и несправедливого положения человека в нем.

На границе разнонаправленных высказываний возникает зона конфликта, представляющая нарратив как *столкновение разных точек зрения, явленное в зрелище*. В этом моменте дискурс права сближается с *драматическим* и *театральным* дискурсами [Шевченко]. Обнажение театральных и драматургических приемов в правовом нарративе можно обнаружить в довлатовской «Зоне» – в той части повествования, которая связана с эксплицитно выраженной авторской интенцией:

«Лагерный монолог – это законченный театральный спектакль. Это – балаган, яркая, вызывающая и свободная творческая акция» [Довлатов, с. 87].

«В лагере еще жива форма словесного поединка, блистательной разговорной дуэли. Я часто наблюдал такие бои – с разминкой, притворной апатией и внезапными фейерверками убийственного красноречия» [Довлатов, с. 88].

«Театральный спектакль», «балаган», «словесный поединок», «разговорная дуэль» – во всех этих

определениях акцентируется *состязательность* и *зрелищность* художественно-правового нарратива. В нем даже монологическое высказывание, возникающее в условиях запрета, носит полемический характер, т. к. встраивается в обобщающую ситуацию диалога, что особенно заметно в т. н. «каторжной» прозе Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, В.П. Катаева и продолжившей ее традиции «лагерной» прозе В.Т. Шаламова, А.И. Солженицына, С.Д. Довлатова и др.

В художественно-правовом нарративе активно используются такие стилистические формы, как сказ и несобственно-прямая речь. В этих случаях сюжет либо полностью преломляется через сознание рассказчиков, выступающих в качестве «медиумов» между автором и изображаемым им миром [Виноградов, с. 42], либо преломляется лишь частично через вкрапления «чужого» слова в стилистически нейтральную ткань повествования. Сознание рассказчика в сказе оказывается в равной мере чутким и к юридической терминологии, и к языку газетной передовицы, и, наконец, к воровскому жаргону. Особое место в этом стилевом многообразии принадлежит окказиональной лексике, выводящей правовую нарратив на новый уровень. Так, в дискурсе «лагерной» прозы Довлатова слово «*марцифаль*» означает вольнонаемную женщину в лагере. Словообразованием зеклов отражает игру воображения, оказавшегося в ситуации множественных, в том числе телесных, табу. С точки зрения налагаемых ограничений женщина предстает как каскад гастрономических изысков, недоступных заключенному (смесь кефали с марципаном). Табуированная же лексика, напротив, в условиях несвободы является доступной и позволяет выражать критический взгляд на мир неформально и живо, но не столь оригинально.

Заключение

Изменения, коснувшиеся принципов и приемов судебного разбирательства в России, в определенном смысле повлияли на дискурс права в русской литературе. Мы имеем в виду смену судебных речевых практик с развернутого психологического анализа в формах красноречия в XIX в. на доказательную аргументацию в XX в., вследствие чего судебная речь стала более лаконичной и менее изысканной (возможно, это было обусловлено более общими процессами в языке и сознании). В дискурсе права Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого уловкам судебного красноречия противостоят приемы изоциренного психологического анализа, обнаруживающие живую риторику современного автора судопроизводства, т. е. практики судебного разбирательства при помощи их же средств. В XX в., в связи со сменой риторики судебной речи с эмоционально-психологической на доказательную, обращавшимся к проблемам права писателям пришлось прибегнуть к методике «доказательства от противного», ведь только так можно было противостоять тоталитаризму и

бесправиию. В. Шаламов, С. Довлатов, А. Синявский, Ю. Алешковский и др., включая в свои произведения сюжеты и героев советской системы в «низом» их варианте (заключенного, охранника, вора, туеядца, диссидента и т.д.), при помощи лаконичных форм анекдота, песни, интеллигентской байки перерабатывали их в собственный, оригинальный художественно-правовой нарратив.

Источники фактического материала

Довлатов С.Д. Зона. (Записки надзирателя) // Довлатов С.Д. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. СПб., 2000. С. 5–168.

Толстой Л.Н. Воскресение. URL: <http://ilibrary.ru/text/1462/index.html> (дата обращения: 03.02.2018).

Библиографический список

Searle J. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. М., 1996. С. 159–206.

Виноградов В.В. О языке художественной прозы: избр. труды. М., 1980. 362 с.

Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. *Фигуры*: в 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 60–282.

Лихачев Д.С. В поисках выражения реального // Достоевский: Материалы исследования. Т. 1. Л., 1974. С. 5–13.

Тюпа В.И. Этнос нарративной интриги // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 2. С. 9–19. URL: https://www.rsu.ru/upload/main/vestnik/ifkv/archive/IFKV/2015_2.pdf#page=9.

Рикер П. *Время и рассказ*. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. М.; СПб., 1998. 313 с.

Сафронова Е.Ю. *Дискурс права в творчестве Ф.М. Достоевского 1846–1862 гг.* Барнаул, 2013. 182 с.

Фуко М. *Интеллектуалы и власть*: избр. политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С.Ч. Офертаса; под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М.: Праксис. 2002. 384 с.

Шевченко Е.С. *Русская драма и театральные примитивы*. Самара, 2016. 198 с.

Шмид У. Конституция как прием (риторические и жанровые особенности основных законов СССР и России). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/sh10.html> (дата обращения: 03.02.2018).

Яусс Г.Р. К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 97–106. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1228.

References

Searle J. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983 [in English].

Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: Bakhtin M.M. *Sobr. soch.* T. 5: *Raboty 1940–1960 gg.* [Collected works. Vol. 5: Works of 1940–1960]. M., 1996, pp. 159–206 [in Russian].

Vinogradov V.V. O iazyke khudozhestvennoi prozy: izbr. trudy [On the language of artistic prose: selectas]. M., 1980, 362 p. [in Russian].

Genette G. Povestvovatel'nyi diskurs [Narrative discourse]. In: Genette G. *Figury*: v 2 t. T. 2 [Figures: in 2 Vols. Vol. 2]. M., 1998, pp. 60–282 [in Russian].

Likhachev D.S. V poiskakh vyrazheniia real'nogo [In search of an expression of the real]. In: *Dostoevskii: Materialy issledovaniia*. T. 1 [Dostoevsky: Materials of the study. Vol.1]. L., 1974, pp. 5–13 [in Russian].

Tyupa V.I. Etos narrativnoi intrigi [Ethos of narrative intrigue]. *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriia. Filologiya. Kulturologiia. Vostokovedenie»* [RSUH/RGGU Bulletin. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies]. M., 2015, no. 2, pp. 9–19. Available at: https://www.rsu.ru/upload/main/vestnik/ifkv/archive/IFKV/2015_2.pdf#page=9 [in Russian].

Ricœur P. *Vremya i rasskaz*. T. 1: *Intriga i istoricheskii rasskaz* [Time and story. Vol. 1: Intrigue and historical story]. M.; Spb., 1998, 313 p. [in Russian].

Safronova E.Yu. *Diskurs prava v tvorchestve F.M. Dostoyevskogo 1846–1862 gg.* [Discourse of law in the works of F.M. Dostoevsky of 1846–1862]. Barnaul, 2013, 182 p. [in Russian].

Fuko M. *Intellectually i vlast': izbr. politicheskie stat'i, vystupleniia i interviu*. Per. s frants. S.Ch. Oфертаса pod obshchei red. V.P. Vizgina i B.M. Skuratova [Intellectuals and power: Izbr. political articles, speeches and interviews. Translation from French S.Ch. Oфертаса under the general edition of V.P. Vizgin and B.M. Skuratov]. M.: Praksis, 2002, 384 p. [in Russian].

Shevchenko E.S. *Russkaia drama i teatralnyi primitiv* [Russian drama and theatrical primitive]. Samara, 2016, 198 p. [in Russian].

Shmid U. *Konstitutsiia kak priem (ritoricheskie i zhanrovye osobennosti osnovnykh zakonov SSSR i Rossii)* [The Constitution as a device (rhetorical and genre features of the basic laws of the USSR and Russia)]. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/sh10.html> (accessed 03.02.2018) [in Russian].

Yauss G.R. K probleme dialogicheskogo ponimaniia [On the problem of dialogical understanding]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 1994, no. 12, pp. 97–106 [in Russian]. Available at: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1228.